

УДК 821.161.1:070
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116

EDN PPHCZQ

Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1918–1919 гг.)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края
и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001*

Александр Юрьевич Горбенко

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
660049, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-код: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Викентий Владимирович Чекушин

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и литературоведения
Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 82а. vikesha@bk.ru

SPIN-код: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Одобрена после рецензирования 13.04.2023

Принята к публикации 27.05.2023

Информация для цитирования

Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1918–1919 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 107–116. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116

Аннотация. В статье анализируются изменения идеологических импликаций журнала «Сибирские записки», произошедшие в период 1918–1919 гг. (издание прекратило свое существование в декабре 1919 г.). В это время существенно эволюционируют взгляды ключевых сотрудников редакции на происходящие в России масштабные социально-политические сдвиги. После начала Гражданской войны и окончательной ликвидации Сибирской областной думы заметно меняется модальность текстов. В художественных произведениях авторы журнала продолжают вести разговор о социально-политической ситуации, используя арсенал природной метафоры. Однако в отличие от периода 1916–1917 гг. настоящее и будущее описывается пессимистически. Авторы используют традиционный для «Сибирских записок» троп весны как знака перемен, однако эта метафора уже лишена тех исключительно позитивных коннотаций, которые доминировали ранее. Кроме того, и в художественных, и в нехудожественных текстах раз за разом возникает сочетание белого и зеленого в качестве цветовой доминанты. Это продиктовано тем, что бело-зеленое знамя стало флагом Сибирской республики, которая просуществовала с июня по ноябрь 1918 г. и управлялась Временным Сибирским Правительством, министром внутренних дел в котором был издатель и редактор журнала Вл. М. Крутовский. Судя по всему, таким образом сотрудники журнала манифестировали свою идею

логическую принадлежность и приверженность идеям областничества. Ключевым в этом отношении стал последний номер «Сибирских записок» за 1918 г., в котором интенсивность использования белого и зеленого цветов достигает своего пика. Так, номер открывался программным стихотворением «Гимн Сибири», в первом стихе которого бело-зеленые цвета знамени областников сопоставлялись с цветами двух ключевых компонентов сибирского пространства – «бело-зеленым морем тайги» и «белой тихой ширью».

Ключевые слова: журнал «Сибирские записки»; Вл. М. Крутовский; сибирское областничество; метатекст; идеологические импликации.

Обсуждая причины прекращения существования журнала «Сибирскія записки»¹ (далее – СЗ), авторы «Очерков русской литературы Сибири» (которые А. И. Разувалова точно характеризует как «издание, следовавшее принятым в официозном литературоведении принципам классификации и описания материала, но даже с учетом этого обстоятельства ставшее заметным шагом в децентрализации истории отечественной литературы» [Разувалова 2015: 266]) пишут следующее: «Если первые два года существования журнала можно по праву считать периодом его наивысшего расцвета, то начиная с 1918 г. журнал вступает в полосу кризиса, вызванного не только материальными затруднениями, но и общим тяжелым состоянием литературы в период колчаковщины. Прежде всего заметно измельчал литературно-художественный отдел журнала. За два года в нем не появилось ни одного по-настоящему значительного произведения» [Очерки 1982: 50–51]. Как видно, авторы раздела остаются внутри определяемой идеологическим давлением эпохи объяснительной схемы, что неизбежно ведет к существенному искажению картины.

Безусловным, однако, остается то, что СЗ действительно трансформировались. Одна из таких важнейших трансформаций, а именно – изменения системы идеологических подтекстов, которые наполняли публиковавшиеся в журнале художественные произведения, и будет обсуждаться в настоящей статье². Материалом для решения этой задачи послужат все номера знаменитого сибирского журнала, рассматриваемого в качестве метатекста³.

На протяжении всех четырех лет существования СЗ их авторы активно использовали природную метафорику, наделенную явственными социально-политическими коннотациями. В этой связи необходимо вспомнить, что две ключевые в этом смысле метафоры – «почва» и «весна» – были важнейшими социальными и политическими тропами для «старшего» поколения сибирского областничества. Так, и Н. М. Ядринцев, и Г. Н. Потанин в целом ряде сочинений регулярно сравнивали с весной эпоху Великих реформ. Например, в потанинских «Воспоминаниях», создававшихся близко ко времени функционирования СЗ, читаем: «Счастливого тогда было время.

То была весна русской жизни, вроде так называемой “весны Святополка-Мирского”, но лучше ее» (Потанин 1983: 162–163). Ср.:

Весна шестидесятых годов была настоящая весна; то была пасхальная неделя. Царские врата раскрыты настужь, пение клиросов ликующее, лица молящихся веселые.

Летучие мыши, которые боятся света, скрылись и так глубоко запрятались в щели, что, даже близко проходя мимо их логовищ, не слышишь их специфического противного запаха. В воздухе чисто и благоуханно, на душе отрадно, и прежде всего отрадно потому, что в ней затихли враждебные чувства к политическим противникам (там же: 163)⁴.

Подобные метафоры активно эксплуатировались для описания социокультурных перемен и на страницах СЗ. Однако если до начала Октябрьской революции и затем Гражданской войны описания будущей социальной реальности были исполнены оптимистического пафоса, то с 1918 г. ситуация меняется. Авторы используют устоявшиеся тропы весны и сопутствующей ей Пасхи, но наполняют их уже другой семантикой.

Приведем несколько фрагментов показательного в этом отношении стихотворения К. Журавского, которое появилось в первом номере журнала за 1919 г. (характерно, что оно входит в короткую подборку из двух стихотворений, озаглавленную «Стихи о родинѣ», что автоматически дает возможность интерпретировать образный строй этих произведений в социально-политическом ключе). В начале произведения описывается недавнее прошлое: «Помните: – // – Теплою лаской // струится солнце весны... // Пасхой красной, великой Пасхой // люди нежданно пьяны... // Толпится радостно, лѣзет // в новья толпы народ... // Мѣдный прибор марсельезы // к солнцу зовет. // Заревья зажглись знамена, // полыхаются над толпой. // Слышен голос въ толпѣ заглушенный: // – “Граждане, пой!” // Граждане пѣли. И тѣ, что сегодня // первыми жмутся въ тѣни, // искренно и свободно // святые славили дни. // – Помните?» (Журавский 1919: 45). Пасхальная топика здесь, как и у «старших» областников, сопрягается с политическим дискурсом, о чем свидетельствует, помимо всего прочего, упоминание Марсельезы, именно на француз-

ский оригинал которой были положены слова популярного после Февральской революции гимна «Отречемся от старого мира».

Затем лирический субъект задается вопросом: «[о]тчего же // так скоро померкла гроза? // И новые страхи наш разум тревожат // И гаснут наши глаза? // Ужели мы снова пугливо и зябко // уйдем потихоньку по нашим домам // И знамя опустим негодною тряпкой, // И снова взойдет непроглядная тьма?» (Журавский 1919: 45). Далее Журавский задействует привычную для авторов журнала метафору весны, однако уже в более пессимистическом духе, нежели это было в 1916–1917 гг.: «Ужели во тьмѣ мы, мечтатели, снова // Надѣяться будем на райскіе сны, // а бѣлую гостью ненужной весны // в гробик положим сосновый? // И холмик святой в назиданье времен // забьем злорадной осиною // и к алому цвѣту отживших знамен // снова пришьем – бѣлый и синий?» (там же). Автор стихотворения использует метафору похорон, которую можно интерпретировать и как погребение революции, и – шире – как смерть России в ее послефевральском виде. При этом, рисуя мрачную картину смерти России, Журавский активно эксплуатирует евангельский контекст: он уравнивает гибель родины с казнью Христа. В частности, здесь появляется чрезвычайно характерная для сибирской словесности органицистская метафорика, а именно – обреченная на гибель Россия уподоблена телу распинаемого Христа: «Уже вонзил внимательный палач // послѣдній гвоздь въ истерзанное тѣло <...>» (там же: 46). Одновременно с этим в тексте стихотворения возникает сочетание цветов, которое окажется в центре образной системы журнала (подробнее об этом речь пойдет ниже) – возврат к старому порядку описывается как реабилитация бело-синекрасного флага.

Любопытно, что «Марсельеза» (теперь уже рассмотренная сквозь интертекстуальную призму) упоминается и в статье «Трагизм русской революции» (№ 1 за 1918 г.), в которой осмысляются события октября 1917 г. Автор статьи, скрывшийся за псевдонимом М. Л. Б., рассуждает о том, почему «[у] нас разрушительный процесс революции быстро вышел из границ творческого процесса, приняв характер анархической, т. е. чистаго разрушения без созидания», видя в этом «трагеді[ю] русской революции» (М. Л. Б. 1918: 24) В начале своей статьи публицист обращается к роману Ф. М. Достоевского «Бесы», персонаж которого Лямшин во время игры на рояле постепенно вытеснял мелодию «Марсельезы» звуками «пошлаго нѣмецкаго романса» «Ach, mein lieber Augustin» (там же: 23). Второстепенный эпизод классического романа иллю-

стрировал тезис М. Л. Б. о том, что «[н]аша революція со всѣми ея безцѣнными завоеваніями нынѣ повержена в грязь и кровь. Произошло это постепенно, само собою, без вмѣшательства какой-либо внѣшней силы и с чисто дьявольской послѣдовательностью» (там же).

В том же номере, что и статья М. Л. Б., было опубликовано традиционное для СЗ «Областное обозрѣніе», принадлежащее перу Вл. М. Крутовского. Уже в начале этого обозрения Крутовский дает крайне резкие оценки состоянию общества, которое, по его мнению, сделало неизбежными негативные последствия Февральской революции 1917 г. (пришедшейся в Сибири на первые десять дней марта⁵, поэтому автор называет этот государственный переворот «социальной “леформой”»⁶, в которую «мы в’ѣхали в мартѣ 1917 г.»): «Наш доморощенный “большевизм” – это именно то несуразное “рыло”, которое никогда социализма не нюхало, слышало об нем только одно – “все мое – мое и все твое мое” – этот упрощенный острожный социализм и за этой то ясной и простой формулой на страх и ужас обывателя пошла огромная рать темных людей, а к ней примазались всякіе проходимцы уголовного типа, с громким прошлым, с безастѣнчивою наглостью, с огромнѣйшею жадностью, с бѣгающими глазами, всюду высматривающими свои жертвы, с которых можно урвать, на счет которых возможно пожитья» (В. К. 1918: 55).

Всѣ в том же номере СЗ появилось стихотворение А. Константинова «Жизнь горить!» (Константинов 1918: 1), которое мы приведем целиком по причине его исключительной репрезентативности и малой известности.

Жизнь горить, – но она не свѣтла.
Жизнь мучительна, тяжка, темна. –
Солнца нѣт.
Ах, скорѣй бы, скорѣе пришла
Чародѣйка, волшебная сказка – весна. –
Ей привѣт!
Солнце вышло, но только на миг.
Тьма повисла опять надо мной. –
Снова ночь.
Скрыло солнце свой лик,
Вслѣд умчалось за яркой весной. –
Жить – не в мочь...

Здесь возникают ключевые образы СЗ, регулярно воспроизводившиеся в публикуемых на страницах издания в 1918–1919 гг. художественных (прежде всего стихотворных) текстах: лирический субъект указывает на скоротечность пришедшей весны и сетует на невозможность жить в новой ситуации, когда «[с]крыло солнце свой лик <...>».

С этим стихотворением Константинова необходимо сравнить другой образчик наполнявшей

страницы журнала поэзии – стихотворение «Грустно на сердцѣ, ноет оно...», опубликованное в первом номере 1919 г. за подписью «Ел. К.». В нем рисуется идентичная константиновской картина внутреннего мира лирического субъекта, построенная на дихотомии светлого прошлого и сменившего его безрадостного настоящего и одновременно с этим – на параллелизме человеческих переживаний и состояний природы: «Грустно на сердцѣ, ноет оно... // Весеннія розы повяли давно... // Солнце погасло, все сѣро и // блѣдно»; «Счастье ушло, а мечты всѣ // разбиты...» и т. д. В процессе размышлений возникает надежда («Полно! замолкни же сердце мое: // Выглянет солнышко, станет // свѣтло»), которая, однако, бесповоротно сменяется однозначно пессимистическим финалом, где окончательное вытеснение весны осенью («Дождік осенний все льет, как // из сита») и в буквальном, и в символическом отношении рифмуется с утратой счастья и мечтаний («Счастье ушло, а мечты всѣ // разбиты...»), подготавливая безрадостный итог: «Душат, терзают рыданья меня. // Нѣтъ я не вѣрю, что скоро весна...» (Ел. К. 1919: 6).

В обоих случаях и негативно, и позитивно маркированные комплексы образов (с одной стороны, «солнце / солнышко» и «весна»; с другой – «дождь» и «тьма»), среди прочих значений, наделены коннотациями, размыкающими границы интимных переживаний и переключающими анализируемые стихотворения в социально-политический регистр. В особенности это касается ключевого топоса «весны», восходящего не только к дискурсу «старших» областников (о чем уже говорилось), но и – шире – к традиции русского политического языка XIX – начала XX в. вообще. Прежде всего речь идет, безусловно, об отечественном «революционно-демократическом» дискурсе XIX столетия, внутри которого активно разрабатывались упомянутые клише⁷.

Таким образом, в 1918–1919 гг. регулярно эксплуатируемая на страницах СЗ природная образность продолжала оставаться одним из главных резервуаров идеологических подтекстов⁸. Однако работавшие с этой топикой авторы могли прибегать к разным модальностям в зависимости от колебаний общественно-политической ситуации в пореволюционной России – в первую очередь, разумеется, Сибири (ср.: [Костякова 2017а: 30]). Как представляется, причиной этому была не только политическая позиция авторов, но и не самый высокий эстетический уровень их произведений, ставший, насколько можно судить, результатом стремления предложить оперативную и довольно прямолинейную репрезентацию быстроменяющейся окружающей реальности.

Безусловно, природная метафорика, нагруженная комплексом идеологических и/или политических значений, была не единственным инвариантом СЗ, рассмотренных в качестве метатекста. Одним из новых способов манифестации идеологической принадлежности издания стало использование цветовой гаммы, ассоциирующейся с областническим движением, – сочетания белого и зеленого. Напомним, что бело-зеленое знамя было выбрано в качестве флага Сибирской республики, которая была создана в 1918 г., просуществовала с июня по ноябрь и управлялась Временным Сибирским Правительством (министром внутренних дел в котором был создатель, издатель и редактор СЗ Вл. М. Крутовский).

В качестве наиболее показательного примера имплицитных в цветовую гамму идеологических подтекстов рассмотрим четвертый номер журнала за 1918 г., вышедший в свет уже после роспуска Сибирской Областной думы и Временного Сибирского Правительства. Номер открывался стихотворным «Гимном Сибири», в первой же строке которого бело-зеленые цвета областного знамени «рифмовались» с цветами двух ключевых компонентов сибирского локуса, увиденного сквозь романтическую призму: «Бѣлая, тихая, снѣжная ширь; // Темно-зеленое море Тайги, – // Вот она наша родная Сибирь. // Вѣрьте друзья нам, страшитесь враги» (И. К.⁹ 1918: 1).

К «Гимну Сибири» композиционно, тематически и символически примыкает идущее вслед за ним стихотворение «Наши знамена». Приведем показательный фрагмент этого произведения: «Бѣлозеленое над красным... // О, да! Силен был общій враг – // И зовом пламенным и страстным // Над нами рѣял красный стяг. // В крови, и в муках, и в печали // Неизъяснимое росло. // И злые тернии вѣнчали // Свободы гордое чело. // О, – пусть послѣдняя преграда // Скорее рухнет на пути! // Знаменам алым сердце радо // И руки рады их нести. // Но как забыть о бѣлом снѣгѣ // Родимых сѣверных долин, // И о зеленой вешней нѣгѣ // Таежных дебрей и равнин? // Как не любить нам этой шири, // Гдѣ никакой не страшен враг? – // И над просторами Сибири // Бѣлозеленый взвился флаг!» (Вяткин 1919: 2). Наряду с бело-зеленым флагом здесь упоминается «красный стяг», использовавшийся как во время Февральской революции, так и после прихода к власти большевиков. В последней же строфе стихотворения знамена, ассоциирующиеся с различными политическими силами, в буквальном смысле переплетаются между собой¹⁰: «... А вѣтер вѣет и играет, // Трубит, и мчит, и зовет // И оба знамени свивает // В одном стремлении вперед» (там же).

Своеобразную трилогию с «Гимном Сибири» и «Нашими знаменами» образует стихотворение «Б'бло-зеленое знамя», опубликованное под псевдонимом Георгий Сибирский. Оно открывало предпоследний, сдвоенный (4–5) номер СЗ, вышедший в октябре 1919 г. Позволим себе привести его целиком:

Темны таежныя шири безкрайныя.
В'чно зеленяя сосны игольныя;
Сн'гом покрытыя степи раздольныя –
Знамени дали цв'та неслучайныя.

Ткали стихии их Родине тайныя –
Холод с тайгою да в'тры лишь вольныя,
Чтобы воспрянули к жизни, бездольныя,
К св'ту и к счастью, народы крайныя
(Сибирский 1919: 1).

По справедливому замечанию Ю. Б. Костяковой, «[г]лавенство бело-зеленого стяга» в стихотворении Г. Сибирского «символизировало не только победу над большевистским режимом, но и превосходство политических позиций и устремлений областников над идеологией их соперников <...>» [Костякова 2017б: 101].

Устойчивый повтор природных образов вместе с идентичным набором цветов во всех этих трех стихотворениях позволяет рассматривать их в качестве еще одного метатекстуального субститута отсутствовавших на всем протяжении периода существования СЗ редакционных манифестов¹¹. В этой своеобразной трилогии сибирское областническое движение предстает органическим феноменом, «выросшим» из местных ландшафтно-климатических условий («Знамени <...> цв'та неслучайныя. // Ткали стихии их Родине тайныя <...>»). Данная особенность поэтики рассматриваемых стихотворений отчетливо коррелирует с общим обилием органицистских метафор на страницах СЗ. В этой связи стоит вспомнить, что органицистская метафорика, введенная, как хорошо известно, в европейский политический язык Гердером (применительно к народам) и «заложившая основу нового политического словаря, которому была суждена долгая жизнь» [Атнашев, Велижев 2018: 11], «несл[а] в себе мощный заряд легитимации: история народов уподоблялась природным явлениям, имеющим универсальный и “вечный” характер» [там же: 12]. На наш взгляд, эта логика работает не только применительно к народам/нациям, но и в случае с общественно-политическими движениями и направлениями, легитимации которых способствует органицистский образный инвентарь.

Вернемся к анализу четвертого номера СЗ за 1918 г. За открывающими номер стихотворениями «Гимн Сибири» и «Наша знамена» следует начало поэмы М. Плотникова «Янгал-Маа». Уже

во вступлении, вложенном в уста сказителя Куксы, появляется сочетание белого и зеленого: «”Вы видали на полянах // Позабытыя могилы? // Вы видали кости кхонна¹², // Кости б'блыя оленей // На ковр' зеленем тундры... // Так вогулы умирают. // Как олени в годь голодный <...>» (Плотников 1918: 3). Как видим, при описании сибирского пейзажа вновь, хотя и в совершенно ином контексте, нежели в рассмотренных выше стихотворениях, доминируют именно белый и зеленый цвета.

Помимо приведенных примеров есть случаи, в которых, на первый взгляд, сложно усмотреть областнические импликации. Так, в очерке И. Голенецкого «Старый холм»¹³ (1918, № 4) есть несколько фрагментов, которые можно прочесть исключительно как пейзажные зарисовки. Например: «...Был август. Зелен' см'шалась с багрянцем. Словно налитые кровью колыхались листья осин. Золотыя березы гордились недолгим нарядом. Зелен'ла осенняя трава» (Голенецкий 1918: 50). Или: «...И теперь, когда мимо проходит с зелеными и красными огнями пароход, заглушая стуком колес и ревом сирены печальные стоны невольников, старый холм еще глубже уходит в задумчивость и по утрам на нем жемчужной росой блестят слезы» (там же)¹⁴. Однако тот факт, что эти природные картины предваряют разговор о будущем Сибири и «областном вопросе», который «по-прежнему не потерял своей остроты» (там же: 55), поддерживает интерпретацию интересующего нас цветового комплекса в символической плоскости.

Узус, внутри которого цветовая палитра более или менее осознанно «нагружалась» идеологическими и/или политическими коннотациями, не ограничивался стихотворной частью СЗ. К схожим приемам прибегал их издатель Вл. М. Крутовский, рассуждая в своих публицистических сочинениях о текущей политической ситуации. Так, в первом номере журнала за 1919 г. в своем традиционном «Областном обозр'нии» он писал о состоянии власти в пореволюционной Сибири следующее:

Мой путь въ город лежит мимо бывшаго губернскаго управления, которое за посл'дние два года см'няло свое название н'сколько раз, смотря по лицам занимавшим его. Соотв'тственно посл'днему, т. е. см'н' лиц, олицетворяющих тот или иной режим данной минуты, на фронтон' этого зданія появлялись различныя эмблемы существующей власти въ вид' флагов соотв'тствующих цв'тов.

Во время периода власти временнаго правительства и см'нившей его большевистской на древк' гордо развивался флаг краснаго цв'та, зат'м посл'дний исчез и на этом же м'ст' по-

явилось красивое бѣло-зеленое знамя. Почему то оно быстро обтрепалось и поблекло, а в ноябрѣ и совсѣм исчезло с древка; затѣм нѣкоторое время оставалось торчать оголенное древко – олицетвореніе твердой власти и, наконец, за самое послѣднее время к этому древку “управляющій губерніей” [здесь и далее курсив авторов. – А. Г., В. Ч.] прикрѣпил старое трехцвѣтное знамя¹⁵ (В. К. 1919: 62).

Описание стремительной смены разноцветных флагов, метонимически репрезентирующих резкость политических сдвигов эпохи, позволяет автору очерка заключить: «наблюдая за этими метаморфозами на древкѣ», он «узнавал и снаружи какіе люди в данное время олицетворяют власть, какой режим теперь господствует и пришел на смѣну старого <...>» (там же). В финале этого фрагмента публицист резюмирует: «Всѣ поиски *настоящей твердой власти* не привели ни к чему новому и, пока что, мы, описав круг, вернулись к тому же исходному положенію, которое имѣло мѣсто еще в до февральскіе дни, к ежовым рукавицам, с которыми мы так сжились и при которых так спокойно и уютно себя чувствовали, что многіе, а особенно тѣ, у кого еще остались пуховики, снѣдь и благопріобрѣтенная недвижимость, так глубоко вздыхают» (там же).

Итак, в 1918–1919 гг. авторы *СЗ* прибегали к опробованному в предыдущий период существования журнала (1916–1917) арсеналу средств – природной метафорике, в корпус которой имплицировались идеологические и политические подтексты. Вместе с тем существенно изменилась доминирующая в этих произведениях модальность. Если в предыдущие два года весна ассоциировалась у авторов журнала исключительно с положительными социокультурными переменами, а в ее скором приходе не было сомнений, то после Октябрьской революции семантика этого центрального тропа существенно меняется. Период «весны» ограничивается в их сочинениях полугодием, отделяющим Февральскую революцию от Октябрьской. Первая должна была «откры[ть] новый свѣтлый період; русской исторіи» (Крутовский 1917: 146), но этого не случилось. Происходящее же после Октября изображается как бессобытийная и безрадостная, унылая картина, подобная летаргическому сну¹⁶. Кроме того, авторы журнала находят новый способ создания идеологических подтекстов, которые теперь конструируются еще и с помощью сочетания белого и зеленого «областных» цветов (бывших официальными цветами Сибирского областного правительства, а потому тесно ассоциирующихся с областническим дискурсом вообще), к которым периодически добавляется «революционный» красный цвет.

Проанализированные художественные (в первую очередь стихотворные) произведения дают основания заключить, что большинство авторов журнала использовало «весеннюю» метафору для художественной репрезентации межреволюционного полугодия – того времени, когда инициативы, горячо приветствовавшиеся и подробно освещавшиеся на страницах журнала (создание местного парламента¹⁷, усиление кооперации в Сибири и – шире – вообще развитие самоуправления и расширение демократических свобод)¹⁸, начали воплощаться в жизнь. Послеоктябрьский же период (а иногда уже и послефевральский) регулярно описывался в «поэтической» части *СЗ* как «непроглядная тьма», «ночь», сопровождающиеся, как это было в уже цитировавшемся стихотворении К. Журавского, оживлением разнообразных гадов («Уже шипят и ползают у ног // зловѣщія, разбуженныя змѣи <...>» (Журавский 1919: 46)).

Примечания

¹ Мы сохраняем орфографию и пунктуацию, а также ошибки и опечатки источника. Подробное обоснование такого текстологического решения см.: [Горбенко, Чекушин 2022: 80].

² Ср. анализ динамики отношения авторов *СЗ* к революциям 1917 г., предложенный в статье [Костякова 2017а]. См. также работу, посвященную репрезентации на страницах *СЗ* событий Гражданской войны: [Костякова 2018].

³ В последние годы заметна интенсификация внимания исследователей к периодическим изданиям, одним из следствий которой стали попытки выявления ключевых особенностей поэтики и идеологии журналов и газет, рассмотренных как некоторое целое, а не просто в качестве набора разножанровых текстов. Среди тех из них, которые дали, на наш взгляд, наиболее интересные результаты, назовем (не претендуя, разумеется, на полноту этого списка): [Печерская 2015; Левитт 2018; Богомоллов 2019; Федотов 2019]. На сибирском материале анализ журнала как целого см. в: [Капинос 2016].

⁴ Обратим внимание на образ, противопоставленный «весенне-пасхальной» метафорике, – спрятавшихся в «логовищах» дурно пахнущих летучих мышей. Подробнее о схожем соотношении тропов на страницах *СЗ* речь пойдет ниже.

⁵ Подробнее о ходе Февральской революции в Сибири см.: [Шишкин 2016].

⁶ Крутовский использует здесь привычную для себя литературоцентричную оптику, в данном случае цитируя персонажа Г. И. Успенского. Специально о литературоцентризме Крутовского см.: [Чекушин 2021].

⁷ В этом смысле чрезвычайно показательным, что почти идентичный ряд топосов содержался в массовой поэтической продукции, публиковавшейся на страницах периодических изданий Урала в эти же годы (1917–1919). Тщательно проанализировавший этот корпус поэтических текстов И. Е. Васильев считает, что частотность и стабильность образов Февральской революции как Пасхи и последующего за ней «пробуждения» страны, противопоставленные другому комплексу образов («тьмы», в которой таятся противостоящие новым «светлым» силам «ядовитые змеи» и прочие гады), стали результатом работы «коллективного сознания» и активизации «культурных универсалий» [Васильев 2017]. На наш же взгляд, близость образного словаря уральских поэтов и их сибирских коллег-современников показывает, что и сибиряки, и уральцы более или менее осознанно ориентировались на один дискурс.

⁸ Эта особенность поэтики стихотворного корпуса *СЗ*, безусловно, коррелировала с «узостью» «тематическ[ого] спектр[а] поэзии в журнале», о котором справедливо пишет Ю. Б. Костякова [Костякова 2017б: 99].

⁹ В содержании номера указан иной криптоним – «Н. К.».

¹⁰ Любопытны содержащиеся в этом стихотворении ритмико-сематические аллюзии на лермонтовский «Парус», подробное изучение которых, как и вообще изучение лермонтовского влияния на поэтов, печатавшихся на страницах *СЗ*, может стать отдельной исследовательской задачей.

¹¹ О других таких субститутах см. нашу статью, посвященную реконструкции системы идеологических подтекстов *СЗ* предыдущего периода (1916–1917): [Горбенко, Чекушин 2022].

¹² К этому слову дается примечание, разъясняющее, что «кхонн» на верхотурском наречии означает оленя.

¹³ По всей вероятности, важнейшим источником этого очерка стали «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского.

¹⁴ Обратим внимание на то, что в этом абзаце названные прямо зеленое и красное сочетаются с не названным прямо белым – «жемчужной росой блестят слезы».

¹⁵ Ср. в обсуждаемом выше стихотворении Журавского.

¹⁶ Есть все основания полагать, что метафора сна в сочинениях авторов *СЗ* генетически восходит к сочинениям «старших» областников, где она привлекалась для описания интеллектуальной стагнации Восточной окраины Российской империи. Ограничимся двумя примерами, взятыми практически наудачу. Первый – одна из

программных публицистических статей Ядринцева «Спящая красавица» (1882), заглавный троп которой призван передать горечь, испытываемую областником при виде «сонного» состояния своей родины, соединенную с надеждой на ее «пробуждение»: «Прекрасные глаза ее еще закрыты, живые силы этого молодого тела еще в покое, под влиянием этого покоя они растут и накапливаются, это не смерть, а сон ребенка. Тихое дыхание и легкий вздох показывают, однако, что близко пробуждение. Величественная, свежая и прекрасная, может быть, скоро откроет она свои глаза и встанет со своего ложа навстречу румяному утру новой жизни» (Ядринцев 1980: 73). Второй – из речи Потанина 1915 г., произнесенной им по случаю собственного 80-летия: «В настоящее время мы наблюдаем, что жизнь духовная вся сосредоточивается в столицах. Провинция – представляет пустыню. Провинциальное общество очень сонно, не реагирует на внешние события» (Потанин 1986: 257).

¹⁷ Здесь уместно вспомнить точную характеристику, которую дал Временной Сибирской областной думе В. И. Шишкин, – «сибирский предпарламент», см.: (Сибирский предпарламент 2013).

¹⁸ См. прежде всего корпус текстов, помещавшихся в «Областном отдѣле» *СЗ*.

Список источников

- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918. № 1. С. 55–65.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 89–96.
- В. К. Областное обозрѣніе // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 62–70.
- Вяткин Г. Наши знамена // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 1–2.
- Голенецкий Ин. Старый холмъ. Сценка // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 49–58.
- Ел. К. «Грустно на сердце, ноет оно...» // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 6.
- Журавский К. Стихи о родинѣ // Сибирскія записки. 1919. № 1. С. 45–47.
- М. Л. Б. Трагизмъ русской революціи (отрывок) // Сибирскія записки. 1918. № 1. С. 23–29.
- Н. К. Гимн Сибири // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 2.
- Константинов А. Жизнь горить! // Сибирскія записки. 1918. № 1. С. 1.
- Крутовский Вс. Сибирь и февральская революція // Сибирскія записки. 1917. № 2. С. 143–147.
- Плотников Мих. Янгал-Маа. Поэма // Сибирскія записки. 1918. № 4. С. 3–22.
- Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск: Зап.-Сиб. Книж. изд-во, 1983. 336 с.

Потанин Г. Н. [Речь на юбилее] // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1986. С. 256–258.

Сибирский Г. Бъло-зеленое знамя // Сибирские записки. 1919. № 4–5. С. 1.

Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь – август 1918 г.). Сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. 293 с.

Ядринцев Н. М. Спящая красавица // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1980. С. 70–73.

Список литературы

Атнашев Т., Велижев М. «Особый путь»: от идеологии к методу // «Особый путь»: от идеологии к методу / сост. Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 9–35.

Богомолов Н. А. Газета «Жизнь» (Москва, 1918): политическая позиция // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 5. С. 25–40.

Васильев И. Е. Топика и мифопоэтика революции в массовой поэзии Урала 1917–1919 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 3 (166). С. 128–145.

Горбенко А. Ю., Чекушин В. В. Журнал «Сибирские записки» как метатекст: система идеологических импликаций (1916–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84

Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 138–165.

Костякова Ю. Б. Отношение сибирских областников к революциям 1917 г. (по материалам журнала «Сибирские записки») // Уральский исторический вестник. 2017а. № 3 (56). С. 23–30.

Костякова Ю. Б. Поэзия революционной эпохи как фундамент медиаккультуры (по материалам журнала «Сибирские записки») // Человек в мире культуры. 2017б. № 2–3. С. 98–102.

Костякова Ю. Б. Гражданская война и ее жертвы в представлениях очевидцев (по публикациям журнала «Сибирские записки» за 1918–1919 гг.) // Гражданский мир – гражданская война: осмысление и прогнозы: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 2 марта 2018 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 113–116.

Левитт М. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»: композиция и направление // Дар дружества муз: сб. ст. в честь Н. Д. Кочетковой / отв. ред. А. Ю. Веселова, А. О. Демин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 69–77.

Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Советский период. Новосибирск: Наука, 1982. 632 с.

Печерская Т. И. Травелог в «Русском слове»: к вопросу о редакционной тактике журнала // Русский травелог XVIII–XX веков: кол. монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 486–502.

Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.

Федотов А. С. Между газетой и журналом: «Музыкальный и театральный вестник» в ряду других театральных изданий // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. № 4. С. 121–130.

Чекушин В. В. Апелляции к классической литературе в публицистике Вл. М. Крутовского как способ трансляции общественно-политических идей // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 59–66.

Шишкин В. И. Февральская революция в Сибири (2–10 марта 1917 г.) // Вестник Омского государственного университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 31–41.

References

Atnashev T., Velizhev M. 'Osobyu put': ot ideologii k metodu [Sonderweg: from ideology to method]. 'Osobyu put': ot ideologii k metodu [Sonderweg: From Ideology to Method]. Comp. by T. Atnashev, M. Velizhev, A. Zorin. Moscow, New Literary Observer Publ., 2018, pp. 9–35. (In Russ.)

Bogomolov N. A. Gazeta 'Zhizn' (Moskva, 1918): politicheskaya pozitsiya ['The Zhizn' newspaper (Moscow, 1918): Its political position]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika [Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism], 2019, issue 5, pp. 25–40. (In Russ.)

Vasil'ev I. E. Topika i mifopoetika revolyutsii v massovoy poezii Urala 1917–1919 gg. [The topics and mythopoetics of the revolution in the mass poetry of the Urals between 1917 and 1919]. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2017, vol. 19, issue 3(166), pp. 128–145. (In Russ.)

Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. Zhurnal 'Sibirskie zapiski' kak metatekst: sistema ideolog-

icheskih implikatsiy (1916–1917 gg.) ['Siberian Notes' Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1916–1917)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 75–84. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84. (In Russ.)

Kapinos E. V. 'Literatura' i 'fakt' v novosibirskom zhurnale 'Nastoyashchee' (1928–1930) ['Literature' and 'fact' in the Novosibirsk literary magazine 'The Present' (1928–1930)]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plot Studies], 2016, issue 2, pp. 138–165. (In Russ.)

Kostyakova Yu. B. Otnoshenie sibirskikh oblastnikov k revolyutsiyam 1917 g. (po materialam zhurnala 'Sibirskie zapiski') [The attitude of the Siberian regionalists to the revolutions of 1917 (on the materials of the journal 'Siberian Notes')]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2017a, issue 3(56), pp. 23–30. (In Russ.)

Kostyakova Yu. B. Poeziya revolyutsionnoy epokhi kak fundament mediakul'tury (po materialam zhurnala 'Sibirskie zapiski') [The poetry of the revolutionary era as the foundation of media culture (based on the materials of the 'Siberian Notes' journal)]. *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the World of Culture], 2017b, issues 2–3, pp. 98–102. (In Russ.)

Kostyakova Yu. B. Grazhdanskaya voyna i ee zhertvy v predstavleniyakh ochevidtsev (po publikatsiyam zhurnala 'Sibirskie zapiski' za 1918–1919 gg.) [The Civil War and its victims in the perception of eyewitnesses (based on the materials of 'The Siberian Notes' journal for 1918–1919)]. *Grazhdanskiy mir – grazhdanskaya voyna: osmyslenie i prognozy: materialy mezhdunarodnoy nauchoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 2 marta 2018 g.* [Civil World – Civil War: Understanding and Forecasts: Proc. int. sci. conf., St. Petersburg, March 2, 2018]. Ed. by V. M. Dobroshtan, S. I. Bugashev, A. S. Minin, T. V. Rabush. St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Press, 2018, pp. 113–116. (In Russ.)

Levitt M. Zhurnal A. P. Sumarokova 'Trudolyubivaya pchela': kompozitsiya i napravlenie [Journal of A. P. Sumarokov 'The Hardworking Bee': the composition and direction]. *Dar druzhestva muz:*

Sbornik statey v chest' N. D. Kochetkovoy [A Gift from the Muses: a collection of articles in honor of N. D. Kochetkova]. Ed. by A. Yu. Veselova, A. O. Demin. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2018, pp. 69–77. (In Russ.)

Ocherki russkoy literatury Sibiri [Essays on Russian Literature of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, vol. 2. Sovetskiy period [The Soviet period]. 632 p. (In Russ.)

Pecherskaya T. I. Travelog v 'Russkom slove': k voprosu o redaktsionnoy taktike zhurnala [Travelogue in 'The Russian Word': On the editorial tactics of the journal]. *Russkiy travelog XVIII–XX vekov* [The Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries]: a multi-authored monograph. Ed. by T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2015, pp. 486–502. (In Russ.)

Razuvalova A. *Pisateli-'derevenshchiki': literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* [Village Prose Writers: Literature and Conservative Ideology in the 1970s]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2015. 616 p. (In Russ.)

Fedotov A. S. Mezhdru gazetoy i zhurnalom: 'Muzykal'nyy i teatral'nyy vestnik' v ryadu drugikh teatral'nykh izdaniy [Between the newspaper and the magazine: the music and theatre herald as a theatre periodical]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology], 2019, issue 4, pp. 121–130. (In Russ.)

Chekushin V. V. Apellyatsii k klassicheskoy literature v publitsistike V. M. Krutovskogo kak sposob translyatsii obshchestvenno-politicheskikh idey [Appeals to classic literature in the journalism of Vladimir Krutovsky as a way of broadcasting socio-political ideas]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, issue 471, pp. 59–66. (In Russ.)

Shishkin V. I. Fevral'skaya revolyutsiya v Sibiri (2–10 marta 1917 g.) [The February Revolution in Siberia (March 2–10, 1917)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 'Istoricheskie nauki'* [Herald of Omsk University. Series 'Historical Studies'], 2016, issue 4(12), pp. 31–41. (In Russ.)

‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1918–1919)

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory
and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20-412-243001

Alexander Yu. Gorbenko

Associate Professor in the Department of World Literature and Teaching Methods

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev

89, A. Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. al_gorbenko@mail.ru

SPIN-code: 7279-9864

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7610-6659>

ResearcherID: ABE-8533-2020

Vikentiy V. Chekushin

Associate Professor in the Department of Journalism and Literary Studies

Siberian Federal University

82a, prospekt Svobodnyi, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. vikesha@bk.ru

SPIN-code: 9046-3576

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

ResearcherID: AAY-5954-2020

Submitted 26 July 2022

Revised 13 Apr 2023

Accepted 27 May 2023

For citation

Gorbenko A. Yu., Chekushin V. V. Zhurnal ‘Sibirskie zapiski’ kak metatekst: sistema ideologicheskikh implikatsiy (1918–1919) [‘Siberian Notes’ Journal as a Metatext: the System of Ideological Implications (1918–1919)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 107–116. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-107-116 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the changes in the ideological implications of the *Siberian Notes* journal that occurred in 1918–1919 (the journal ceased to exist in December 1919). At that time, the views of the key editorial staff members on the large-scale socio-political shifts taking place in Russia underwent significant evolution. After the outbreak of the Civil War and the dissolution of the Siberian Regional Duma, the modality of the texts changed noticeably. In fiction works, the authors of the journal continued to discuss the socio-political situation using the arsenal of nature metaphors. However, in contrast to the period of 1916–1917, the present and the future were described pessimistically. The authors used the trope of spring as a sign of change, traditional for *Siberian Notes*, but this metaphor was devoid of those exclusively positive connotations that had dominated before. In addition, both fictional and non-fictional texts repeatedly introduced a combination of white and green as a color dominant. This was driven by the fact that the white-and-green banner became the flag of the Siberian Republic, which existed from June to November 1918 and was controlled by the Provisional Siberian Government, with the publisher and editor of the journal VI. M. Krutovsky being the Minister of Internal Affairs. Apparently, this was the way the journal’s staff manifested their ideological affiliation and commitment to the ideas of regionalism. This is most perfectly exemplified in the last issue of *Siberian Notes* for 1918, where the intensity of the use of the white and green reached its peak. The issue opened with the program poem *The Anthem of Siberia*, in the first verse of which the white-green colors of the regionalists’ banner were compared with the colors of two key components of the Siberian space – ‘the white-green sea of the taiga’ and ‘the white quiet expanse’.

Key words: Siberian Notes; VI. M. Krutovsky; Siberian regionalism; metatext; ideological implications.